

**ТРУД И ДОЛГ: МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ АСПЕКТЫ
ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.
(по материалам Волго-Вятского региона)**

По выражению философа А.А. Зиновьева «войну 1941–1945 годов выиграл советский десятиклассник, окончивший школу в 1937–1941 годах»¹, т.е. те, кто родился в 1920–1924 гг. Они росли и воспитывались в жесточайших условиях гражданской войны, голода, репрессий, всесоюзныхстроек и других жестких жизненных обстоятельств. Такая обстановка способствовала формированию своеобразного вынужденного аскетизма как характерной черты поколения. Большинство из его представителей потому и смогли выдержать беспримерные материальные лишения, испытания войны.

По данным ЦСУ Госплана СССР война вызвала серьезные изменения в производстве важнейших видов продукции пищевой промышленности. Оно неуклонно сокращалось². В то же время с начала войны и в течение второго полугодия 1941 г. отмечался стабильный рост цен на основные виды продуктов. При этом наиболее интенсивный рост цен на эти товары проявился в прифронтовой полосе и, в частности, в Поволжье³.

При росте цен на основные продукты питания, роста заработной платы сельскохозяйственных и промышленных рабочих не отмечалось. По официальным данным с начала войны и до октября 1944 г. расходы государства на выплату заработной платы сельскохозяйственному населению и денежные доходы колхозников по трудодням оставались практически на уровне 1940 г.⁴ Расходы на приобретение товаров, оплату услуг так же не возросли, а вклады в сберкассы (в начале войны) сократились⁵.

Исследователь социальной политики военных лет Г.Г. Загвоздкин убедительно показал несоизмеримость разных форм заработной платы со степенью трудозатрат рабочих и колхоз-

ников. Несмотря на то, что с началом войны повсеместно в качестве усиления трудовой мотивации стали применяться формы материального поощрения передовиков, «суммы зарплаты, получаемые рабочими на руки, не покрывали минимальных затрат рабочих»⁶.

Увеличение оплаты труда для передовиков, стахановцев и многостаночников в качестве дополнительной мотивации на наш взгляд не стоит переоценивать. Ведь параллельно с этим повышались налоги, займы пожертвования на военные нужды. Сельскохозяйственное население выплачивало сельскохозяйственный налог, самообложение, с 1943 г. — военный налог, с 1944 г. был введен налог на холостяков⁷. Из заработной платы рабочих на протяжении войны также удерживались значительные, в соотношении с зарплатой, суммы. В 1943 и 1944 гг. удержания в среднем составляли 17,9% от заработной платы, в 1945 г. — 18,3%. С учетом так называемых добровольных отчислений в фонд обороны или в фонд Красной Армии удержания из заработной платы доходили до 30% (!)⁸. В тоже время средняя заработная плата в промышленности колебалась от 396 до 503 р.⁹, а в совхозах и подсобных сельскохозяйственных предприятиях — от 201 до 221 р.¹⁰

Нельзя не учитывать и тот факт, что покупательная способность трудящегося населения снижалась и значительной криминализацией социально-бытовой сферы. Деятельность разного рода спекулянтов, перекупщиков, уголовников приводила к снижению и без того ограниченных возможностей для трудящегося адекватно обменять свою зарплату на необходимые продукты.

Начало войны психологически повлияло на появление перебоев с продовольствием. Не представляя масштабов войны и сроков ее окончания, трудящиеся тыла старались закупить продукты «в прок». По информации отдела пропаганды и агитации Саранского горкома ВКП(б) от 27 июня 1941 г., «во многих магазинах очереди за хлебом. Некоторые набирают мешками, берут сушки, муку, крупу, спички, соль, мыло и т.д.»¹¹. В справке, подготовленной Горьковским обкомом, также отмечались подобные факты. Например, в городе Выксе в течение первой недели войны у продовольственных магазинов наблюдались большие очереди за хлебом и солью¹².

Желание граждан ввиду непредвиденных сроков войны закупить продукты «впрок» и потеря основных хлебопроизводящих территорий привели к введению в стране карточной системы распределения продуктов. С августа 1941 г. основные продукты питания по государственным ценам можно было приобрести в Горьковской области, с 1 сентября — в Кировской области и в Мордовской АССР¹³.

Горожане, как правило, отоваривались продуктами, в основном, на городских колхозных рынках. С началом войны цены на рынках стал расти. Не последнюю роль в этом процессе играло желание продавцов извлечь из продажи наибольшую выгоду. Общественная мораль того времени определяла это как «спекуляцию». Практически для любого горожанина начало войны отразилось на возможности отovarиваться продуктами сельского хозяйства. Инженер Горьковского автозавода В.А. Лапшин отмечал в дневнике эту неприятную составляющую военного времени: «14 сентября. Торгаши, не считаясь ни с какой войной, поднимают цены. Когда спрашиваешь, почему так дорого продаешь, отвечают грубо — «не хочешь — не бери, другие возьмут»¹⁴.

Здесь интересно привести и другую точку зрения на попытку власти контролировать цены на рынке. 8 сентября 1941 г. в адрес члена ЦК ВКП(б) Е.М. Ярославского было направлено анонимное письмо о ситуации с торговлей в г. Горьком. Автор, как он сам сообщает, только что вернулся из города «по делам службы»¹⁵ и, судя по письму, его не устраивала такая политика. Он писал: «Горький за счет беженцев увеличился в 4 раза, на рынке было продуктов вдоволь и в разнообразнейшем ассортименте. Местный Горвнуторг вдруг надумал лимитировать рыночные цены, и с рынка все исчезло. Население голодает, и из-под полы платят в три раза дороже. Население ропщет и законно. К чему и кому нужна такая политика. Прошу Вашего срочного вмешательства, об этом просили передать Вам многие москвичи. Такое положение имеет место и в других городах. Сейчас такое лимитирование — вред»¹⁶.

Проблема спекуляции стала в начале 1942 г. настолько острой, что ее решению, например, было посвящено специальное заседание Горьковского городского комитета обороны 23 февраля 1942 г. Председатель ГГКО М.И. Родионов очень эмоци-

онально высказался по этому поводу: «Я считаю, что вопрос ясный совершенно. Я бы только хотел, чтобы поняли секретари райкомов, советские работники, председатели райисполкомов, представители органов милиции, прокуратуры и суда, поняли, что у нас спекулянты распоясались... У всех под носом черт знает что творится, творятся явные безобразия, но никто не хочет бороться... Возьмите хотя бы такой факт, что честный человек, порядочный человек у нас не в состоянии купить вино, ибо около магазинов постоянная шайка шинкарей, которые меняют один другого в очереди, которые в курсе дела — когда водку подвезут. Вот эта шайка шинкарей все время закупает вино и потом его продает, а представителям партийных, советских организаций, органов милиции, прокуратуры, суда дела до этого нет...»¹⁷. Среди мер борьбы со спекуляцией председатель ГГКО называл, в том числе, жесткие репрессии: «Я полагаю, надо провести ряд мероприятий, при чем надо сделать, по-моему, так, чтобы несколько дел провести с расстрелом за спекуляцию»¹⁸. Несмотря на то, что в постановлении ГГКО, принятом по результатам заседания не было прямого указания на такие жесткие меры¹⁹, материалы обсуждения подтверждают резко негативное отношение власти к спекуляции.

Весной 1942 г. в г. Горьком обком ВКП(б) организовал проверку состояния хлебопечения и торговли хлебом. Согласно этим данным в городах и поселках области была 91 пекарня с суточной производительностью 650 т хлеба²⁰. Но план выпечки хлеба постоянно не выполнялся. Например, за апрель 1942 г. по плану нужно было выпечь 15 720 т хлеба, а было выпечено 13 902 т. Главными причинами невыполнения плана были признаны отсутствие достаточных запасов муки и частые аварии на производстве²¹.

Нехватка хлеба в городе усугублялась частыми случаями хищений. Власть, как могла, пыталась противостоять этому. В секретном донесении прокурору СССР начальник отдела по спецделам прокуратуры Горьковской области Ушканов 13 ноября 1941 г. отмечал: «За организованное хищение хлеба с хлебозавода № 11 и хлебопекарни № 23 осуждены по закону от 7/VIII-32 г. экспедитор Нестеров и контролер Карякшин к расстрелу, кладовщик Подковырин и бракер Шевелев к 10 годам л.с.»²².

Ограниченность возможности отовариться на городском рынке приводила к увеличению натурального обмена. Народный комиссар торговли А.В. Любимов 19 февраля 1942 г. писал заместителю председателя СНК А.И. Микояну: «Широкий размер приняли товарообменные операции. Тысячи граждан устремляются в деревню для обмена подержанных домашних вещей на сельскохозяйственные продукты. Имеет место спекулятивная перепродажа продуктов»²³. При этом меры, принимаемые государством для стабилизации цен, в условиях войны практически не имели ожидаемого эффекта.

Принимая во внимание размах товарообменных операций, в апреле 1942 г. специальным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) рабочим и служащим разрешалось брать под индивидуальные огороды пустующие земельные участки в городах и поселках²⁴. Как показывают документы эти участки стали дополнительным источником получения продуктов питания. Только в Горьковской области в 1943 г. 358 610 рабочих семей имели такие участки²⁵. Обрабатывать их приходилось в свободное от основной работы время, охранять урожай вообще часто не представлялось возможным. Тем не менее, работа на этих участках не требовала дополнительной мотивации и стимулирования. От нее порой напрямую зависела обеспеченность питанием.

Наиболее тяжело переживали материально-бытовую неустроенность рабочие мобилизованные из сельской местности. У них не было возможности, в отличие от коренных горожан, оперативно решать эти проблемы. 26 июня 1942 г. прокурор Кировской области сообщал секретарю обкома Лукьянову о самовольном уходе 720 рабочих с завода № 367. Основными причинами прокурор называл «плохие жилищно-бытовые условия и, главное, отсутствие у рабочих сезонной одежды»²⁶. При анализе причин прогулов с предприятий промышленности г. Кирова, прокурор отмечал, что меньшинство прогульщиков объясняют прогул собственной безответственностью и небрежностью; 12% прогульщиков связывали оставление работы с неудовлетворительными условиями производства, 3,6% — с неудовлетворительным питанием. Для сравнения — задержку в выдаче зарплаты назвали в качестве причин 1,8% прогульщиков²⁷. Согласно

докладам прокурора «на заводах оборонной промышленности получил широкое распространение самовольный уход на родину в деревню за одеждой и обувью и продуктами»²⁸.

Осенью 1943 г. правительством были уменьшены нормы выдачи хлеба и повышены цены на хлеб. По данным УНКВД по Горьковской области отношение к этому трудящихся было следующим: «Основная масса всех слоев населения уменьшение хлебной нормы считает мероприятием временного порядка. Наряду с положительными фактами настроений, среди отдельных рабочих и служащих имеются отрицательные суждения, а именно:

– «Норму хлеба снизили, других продуктов нет. Работать заставляют день и ночь. Будем пухнуть от голода».

– «Надо бросать работу и ехать в район продавать носильные вещи и покупать хлеб за любую цену. Дальше будет хуже»²⁹.

Голод и неустроенность быта стали практически постоянными факторами трудового процесса. Особенно среди сезонных рабочих. В феврале 1944 г. в Москве состоялось совещание заведующих бюро по учету и распределению рабочей силы при СНК союзных республик, краев и областей по вопросу проведения мобилизации рабочих на торфопредприятия.

Выступая на этом совещании, заведующая Кировским бюро Семенова без прикрас охарактеризовала бытовое положение: «В бараках имеет место обворовывание рабочих. На торфопредприятиях много хулиганов, которые живут тут и не работают, они обворовывают мобилизованных рабочих... В бараках холодно, рабочие простужены. Вместе со взрослыми рабочими живут дети, которые шумят и мешают рабочим нормально отдыхать... Все это приводит к колоссальной текучести рабочей силы. На 25 января по Каринскому торфопредприятию было 800 чел., из них оставили самовольно работу 490 чел., или 60%.

В январе Облесполком и Обком решили в помощь Торфотресту Наркомата электростанций мобилизовать рабочих, которые бы сумели выдержать трудные условия. Обком пошел на то, чтобы мобилизовать 500 коммунистов и комсомольцев. Из них 49 чел. вынуждены были уйти. Даже коммунисты и комсомольцы, рискуя потерять партийный и комсомольский билет, уходят, ибо, положение невыносимое. Руководство мы сняли и отдали под суд. Но от этого рабочим не легче»³⁰.

О тяжелейших материальных условиях повседневного существования трудящихся свидетельствуют страшные факты людоедства, имевшие место в годы войны. Подобную информацию содержат документы обнаруженные в архиве Кировской области. В январе 1944 г. в г. Кирове две женщины (одна — эвакуированная из Ленинграда) убили одноклассницу дочери, «варили и употребили в пищу»³¹. В феврале 1944 г. в одной из деревень семья убила и «употребила в пищу» 6-летнюю сестру³². В июле 1944 г. мать и дочь убили нищую девочку 10-ти лет «с целью употребления в пищу»³³. Эти единичные факты не являются показательными, но при этом красноречиво свидетельствуют о тяжелейшем материальном положении.

Трагическое, по преимуществу, положение с обеспечением продовольствием сформировало в сознании трудящихся определенные требования к власти в этом вопросе в конце войны. Согласно информации Горьковского Обкома ВКП(б) о настроениях жителей Автозаводского района, собранной в апреле 1945 г., рабочие во время проведения бесед и докладов задавали вопросы и высказывались. Общая направленность этих высказываний — заинтересованность в отмене карточной системы и необходимость компенсации со стороны государства за переживаемые в годы войны трудности. Характерным выражением этой мысли было высказывание о недопустимости материальной помощи бывшим союзникам Германии: «Ряд товарищей высказывают мнение: не надо помогать материально тем странам, которые в период войны были сторонниками Гитлера. Они были наши враги — ими и останутся. *Надо лучше кормить наш народ, так как он уже достаточно истощен*» (выделено в тексте документа — В. С.)³⁴.

В сельской местности, в колхозах и совхозах, в начале войны нехватка продовольствия также часто становилась причиной снижения мотивации труда. Например, в Белавинском колхозе Вачского района горьковской области колхозник Л. после сообщения председателя райкома партии о речи И.В. Сталина 3 июля говорил: «Вы нас призываете к более дружной работе в колхозе, к дисциплине, но как работать, когда мы сидим голодные, нам работать нельзя. Война идет только два дня с половиной, а у нас уже голод, чего нам защищать»³⁵.

Учитывая специфику крестьянской психологии, правительство пыталось применить принцип прогрессивной оплаты труда на уборочных работах. Передовая «Правды» от 10 сентября 1941 г. призвала трудящихся «быстро завершить уборку богатого урожая»³⁶. В статье прямо говорилось, что «по заслугам будет оценен и труд колхозников. Кто больше и лучше трудится, тот больше и получит». И далее: «В начале текущего года правительство и партия рекомендовали колхозам новый порядок оплаты труда колхозников. Начиная с 1941 г. в колхозах введена дополнительная оплата труда колхозников за повышение урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Обязанность местных партийных и советских организаций, руководителей колхозов — безусловно провести на деле решения правительства и партии о материальном поощрении передовых людей колхозов»³⁷.

Но местные власти не всегда имели возможность организовать дополнительную оплату. Любопытным примером «инога взгляда» на эту проблему может служить письмо жительница Латвии А. Меживилкс, эвакуированной в горьковскую область, адресованное Г.М. Маленкову. Она писала в октябре 1941 г.: «Если Вы, тов. Маленков, жили бы в таком колхозе, в каком мне приходится жить (я эвакуирована из Латвии, проживаю в дер. Чергаши, Горьковской области, Перевозского района), у Вас, наверное, волосы стали бы дыбом — вместо настоящего социалистического хозяйства получилось какое-то уродство. Крестьянская масса живет в большой бедноте (главное пропитание — хлеб с водой, да и то не хватает) из-за неряшливости, и можно сказать преступного руководства. Скажу Вам правду — в фашистской Латвии рабочие жили в гораздо лучших условиях, чем здешние колхозники»³⁸.

Контраст в оплате труда был для А. Меживилкс настолько разителен, что она буквально восклицает: «Разве это не кричащий факт, что колхозники в течении больше десяти лет существования колхозов не добились больше 1 килограмма хлеба на трудодень?»³⁹. Причину этого эвакуированная жительница видит в неисполнении постановления правительства относительно дифференцированной оплаты труда продуктами: «Два раза обращалась в местную редакцию — насчет неправильной оцен-

ки труда и насчет того, как выполняются законы, изданные Правительством, а именно, что все, которые участвуют при уборке картошки, должны получить 1/10 часть убранный ими. Если не ошибаюсь, так этот закон был опубликовано около 23 сентября, но начальство нашего колхоза не знало его до 29 сентября, когда я по этому вопросу обратилась в редакцию»⁴⁰.

Обеспечение продовольствием было одной из главных составляющих материального фактора трудовой мотивации колхозников. Председатели колхозов, иногда в нарушение существующих указаний, старались распределить на трудодни колхозникам хоть немного хлеба. В том случае, когда это становилось известно властям, они подвергались репрессии. С сожалением и скорбью приходится сегодня говорить о необходимости жестких мер в отношении не сдавших хлеб колхозов. В который раз жители села вынуждены были почти полностью сдавать государству выращенный ими хлеб. Это было тяжело не только материально, но и психологически. Крестьянину, долгое время жившему натуральным хозяйством, приходилось постоянно объяснять вынужденность такой продовольственной политики.

Меры в отношении задерживавших сдачу государству продовольствия были по-военному жесткими. 3 марта 1942 г. на заседании бюро Горьковского обкома по вопросу о заготовках картофеля М.И. Родионов говорил районным руководителям: «Замки на свои учреждения повесьте..., а сами выезжайте и заготавливайте картофель..., вы подводите нас, подводите фронт, предаете интересы Родины плохой работой по заготовке картофеля. И о заготовителях ваших... почему до сих пор ни одного не посадили в тюрьму?»⁴¹.

Затяжной характер войны, рост материальных затрат, увеличение планов заготовок привели к тому, что «запасы» села стали иссякать. Проблема продовольственного обеспечения стала сверх актуальной и для села. Руководители сельскохозяйственных предприятий были поставлены словно между молотом и наковальней необходимостью сдавать хлеб государству и не дать умереть с голоду нуждающимся колхозникам. Некоторые из руководителей вполне допускали, что единственный способ накормить семью для колхозника — это воровство. Такие примеры приводились в качестве проявления антисоветских, преступных

действий в отчетах и сводках органов ВКП(б) и НКВД. Например, согласно данным Ромодановского РО НКВД Мордовской АССР от 29 марта 1943 г., председатель колхоза «Красный Факел» А.Г. Буйнов так выразил свое отношение к этой проблеме: «а где колхозникам взять, что если не утащишь из колхоза»⁴².

Сложное положение с продовольственным обеспечением колхозников вызывало у некоторых из них не только снижение трудовой мотивации, но и недовольство властью. Например, в ноябре 1942 г. Саранской республиканской прокуратурой было заведено уголовное дело по ст. 58-10 ч. 2 на жителя с. Копасово Атяшевского района Мордовской АССР Цицаркина Ивана Яковлевича 1922 года рождения. В его квартире при обыске были обнаружены рукописи «контрреволюционного содержания». В них он критиковал колхозный строй, в частности, за неудовлетворительное обеспечение продовольствием: «Они создали, так называемые, колхозы, они обобщили все крестьянские дворы в один коллектив и объединили под названием колхозное крестьянство. Это крестьянину грозило нехорошей жизнью, обрекая на голодную смерть. Он всячески борется с условиями существующей жизни, но коммунисты не обращают никакого внимания в содействии и помощи ему. Этого коммунисты и большевики не хотели понимать, что крестьянин погибает голодной смертью, они весь колхозный хлеб вывозили в склады, и он там лежал, а колхозники помирали. Вот в чем заключается колхозная жизнь советского крестьянина, она заключается в голодной смерти»⁴³. Возбуждение уголовного дела было обусловлено тем, что такие мысли потенциально могли деструктивно отразиться на трудовой мотивации.

Осенью 1943 г. были снижены нормы выдачи хлеба на трудодни. В секретной справке управления НКВД по Горьковской области, составленной 1 декабря 1943 г., отмечались как негативные, так и позитивные с точки зрения отношения к труду высказывания по поводу уменьшения хлебных норм. Приведенные примеры позволяют выделить основные характеристики целеполагания колхозников в связи с ухудшившимся материальным положением. Так, колхозница А.Ф. Горохова из Бутурлинского района заявила: «Собранный урожай 1943 г. отдам для фронта, скорее бы кончилась война, а сами останемся так»⁴⁴. Колхозни-

ца А. Егорова (Борский район): «В деревне трудно стало жить, сейчас каждый сдает государству хлеб и муку. Все это нужно государству, и мы в этом помогаем, лишь бы скорее кончилась война, и наши мужья вернулись домой»⁴⁵.

Но война затягивалась и ситуация с продовольствием в деревне ухудшалась. В июне 1944 г. в комиссию партийного контроля при горьковском обкоме поступала информация о тяжелейшем положении в семьях некоторых колхозников, особенно многодетных. Так, в Салганском районе Горьковской области было учтено около 1000 семей военнослужащих, нуждавшихся «в неотложной помощи продовольствием». В качестве примера приводилась семья колхозницы Вороновой: «Семья фронтовика Воронова с 5 детьми и престарелыми родителями. Сама Воронова неплохо работает в колхозе, однако три года в этом колхозе не выдают трудодни, приусадебный участок из-за отсутствия семян не засеяла. Все члены семьи опухли. Дети побираются.... В таком же положении находятся многие семьи в Чкаловском, Воротынском и Салганском районах»⁴⁶.

25 июля 1944 г. Л.П. Берия направил в ГКО и СНК СССР докладную записку, в которой он приводил примеры фактов бродяжничества в Горьковской области. В Арзамасском районе, говорилось в записке, «появилось большое количество нищенствующего элемента, преимущественно из жителей Алатырского, Ичалковского и других районов Мордовской АССР, а также ряда районов Горьковской области. Все прибывающие объясняют свой уход с постоянного места жительства производственными затруднениями»⁴⁷. Возле местного крахмально-паточного завода всего скапливалось до 10 тыс. чел., приобретая продукты отходов производства для употребления в пищу»⁴⁸.

Летом 1944 г. в некоторых районах Мордовской АССР ситуация с обеспечением продовольствием была настолько тяжелой, что население буквально опухало от голода. Так, согласно спецдонесению наркома Внутренних дел МАССР полковника госбезопасности Николаева, в июне 1944 г. среди жителей Болдовского района «имело место опухание населения на почве недоедания»⁴⁹. Среди жителей Палаевского сельсовета — 50 чел., подлежащих госпитализации и 174 — с начинающимися отеками. В Болдовском сельсовете — соответственно 27 и 168 чел., в

Ново-Саловском сельсовете — 14 и 97 чел., всего по району — 110 и 469 чел., соответственно⁵⁰. Данный факт, хотя и не может рассматриваться в качестве характерного, довольно отчетливо отражает проблему обеспечения продовольствием. Причинами такой ситуации в спецдонесении названы нарушения со стороны местных властей⁵¹.

В апреле 1945 г. были отмечены случаи заболеваний на почве недоедания. Органами НКГБ по Горьковской области была подготовлена выборка из писем учащихся Работкинско-го сельскохозяйственного техникума, которые иллюстрировали их отношение к нехватке продовольствия. В виде совершенно секретного доклада эти выдержки были направлены заместителю председателя Совнаркома СССР А.И. Микояну. Из письма учащейся Зайлиной 11 апреля 1945 г.: «Начиная с 1 числа, в техникуме не давали ни разу хлеба, все студенты слегли, некоторые начали опухать. Занятия прекратились, но отпуска не дают. Все очень ослабли»⁵². Учащаяся Белугина писала: «...13 дней живем без хлеба. В нашей группе две девушки опухли. Дров в техникуме нет, воды тоже, в связи с этим завтрак бывает в обед — одна свеклина, а обед — в ужин, ужина совсем не бывает. В техникуме сейчас такой беспорядок, такое волнение, студенты всю бунтуют»⁵³. Студентка Тютюкова: «...13 дней живем без хлеба, и неизвестно, когда он будет, хоть с голода издыхай. Настроение паническое. Хочется разорвать весь мир, или уснуть навсегда»⁵⁴.

8 мая 1945 г. секретарь Горьковского обкома ВКП (б) М.И. Родионов в сообщении А.И. Микояну с грифом «строго секретно» подтвердил факты невыдачи хлеба студентам Работкинско-го техникума. Прокуратуре было поручено разобраться с виновными, были приняты меры по снабжению студентов хлебом⁵⁵.

Интересно, что лишь по истечении десятков лет многие герои тыла осознали всю значимость своего труда. Как писал в письме ветеран труда из Кировской области И.А. Горшков, «а мы в войну о наградах и не помышляли, а вот сейчас на склоне лет особенно обидно становится, что, отдав свое молодое здоровье, силы, энергию, остаешься за бортом»⁵⁶.

Обращаясь в архивы и органы власти с просьбой подтвердить свой трудовой стаж, ветераны труда упоминали и о быто-

вом положении: А.Д. Емельянова: «Мы в войну трубили денно и ночью. Пахали на быках, в лаптях. Голодные, холодные. Все равно все работали»⁵⁷; Е.С. Пенягина: «Пахали сами на себе и боронили. Ели только траву и всякую дрянь»⁵⁸; Н.Д. Лаптева: «Растили государству хлеб, а сами ели отходы от хлеба и голодали»⁵⁹; К.П. Ожегова: «Тогда работали полуголодные, хлеба не хватало, не говоря о других продуктах, не было ни выходных дней, никаких праздников»⁶⁰. Все это — довольно многочисленные и характерные свидетельства ветеранов труда.

Проблемы и трудности с обеспечением продовольствием на протяжении войны были беспримерно преодолены большинством простых честных советских трудящихся. Состояние материального обеспечения труда и быта рабочих и колхозников, с одной стороны, и известный позитивный результат организации трудового процесса в годы Великой Отечественной войны — с другой, позволяют признать в качестве главных факторов мотивации труда аспекты, не связанные с прямым материальным стимулированием. С высокой степенью достоверности можно утверждать, что материально-бытовой фактор не был доминирующим в формировании позитивной трудовой мотивации населения.

«Стержнем» трудовой мотивации было, прежде всего, чувство долга. Воспитанные в коллективистском духе, молодые труженики тыла в основном руководствовались в своем труде общегосударственными приоритетами. Главная потребность, определявшая мотивы ратного и трудового подвига, — *победа в войне*, которая давала возможность вернуться к нормальной, безопасной, мирной жизни. Защита Родины и семьи, моральные принципы, подчинение и субординация — своеобразная ценностная система, сформированная общественной практикой функционирования советского общества еще в довоенный период. Война, как чрезвычайное обстоятельство, активизировала эти поведенческие нравственные императивы.

Примечания

¹ Зиновьев А.А. Моя эпоха: О Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Свободная мысль — XXI. 2005. № 5 С. 13.

- ² Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945 / сост. А.Я. Лившиц, И.Б. Орлов. М., 2003. С. 201.
- ³ Там же. С. 174–175.
- ⁴ Там же. С. 226
- ⁵ Там же. С. 227
- ⁶ Загвоздкин Г.Г. Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990. С. 178, 182.
- ⁷ Советская повседневность и массовое сознание. С. 234.
- ⁸ Там же. С. 235.
- ⁹ Там же С. 235.
- ¹⁰ Там же. С. 236.
- ¹¹ Мордовия. 1941–1945: сб. документов. Саранск, 1995. С. 23.
- ¹² Забвению не подлежит: Страницы Нижегородской истории (1941–1945 годы). Книга третья. Н. Новгород, 1995 С. 276.
- ¹³ Серебрянская Г.В. Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х–первой половине 40-х годов XX века. Н. Новгород, 2003. С. 314.
- ¹⁴ Общество и власть. Российская провинция. В трех томах. Т. 3. Июнь 1941 г.–1953 г. М.; Н. Новгород, 2005. С. 762.
- ¹⁵ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 2132. Л. 23.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Ф. 2518. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 42.
- ²⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3079. Л. 67.
- ²¹ Там же.
- ²² Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 5980. Оп. 2. Д. 14. Л. 92.
- ²³ Советская повседневность и массовое сознание. С. 178.
- ²⁴ Серебрянская Г.В. Указ. соч. С. 319.
- ²⁵ Там же. С. 320.
- ²⁶ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 8. Д. 70. Л. 157.
- ²⁷ Там же. Л. 175.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 40.
- ²⁹ Общество и власть. С. 355–356.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 36. Л. 68.
- ³¹ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 2943. Оп. 8. Д. 51. Л. 36.
- ³² Там же. Л. 33.
- ³³ Там же. Л. 69.

- ³⁴ Общество и власть. Российская провинция. В трех томах. Т. 3. С. 683.
- ³⁵ Забвению не подлежит. С. 282.
- ³⁶ Правда. 1941. 10 сент.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2603. Л. 3.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 5.
- ⁴¹ Забвению не подлежит. С. 444.
- ⁴² Мордовия. 1941–1945. С. 455.
- ⁴³ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГАРМ). Ф. 438. Оп. 3. Д. 165. Л. 18.
- ⁴⁴ Общество и власть. С. 356.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Забвению не подлежит. С. 458.
- ⁴⁷ Советская повседневность и массовое сознание. С. 383.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Мордовия. 1941–1945. С. 591.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 432.
- ⁵³ Забвению не подлежит. С. 432.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 433.
- ⁵⁶ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 3842. Оп. 2. Д. 8. Л. 11.
- ⁵⁷ Там же. Л. 9.
- ⁵⁸ Там же. Л. 5 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 6.
- ⁶⁰ Там же. Л. 24 об.